

ДЖ. УИЛЛОУ
УИЛСОН

<#?

АЛИФ-
НЕВИДИМКА

Немыслимо, отчаянно хорошо. Невероятное воображение Нила Геймана
в сочетании с интеллектуальной амбициозностью Нила Стювенсона!
-New York Times-

Дж. Уиллоу Уилсон
Алиф-невидимка
Серия «Ангелы и демоны»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6996197

Дж. Уиллоу Уилсон. Алиф-невидимка: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-081692-7

Оригинал: G. Wilson, "Alif The Unseen"

Перевод:

Сюзанна Алукард

Аннотация

Хакер Алиф защищает негодные его правительству сайты в маленькой стране Ближнего Востока. Ему и так хватает неприятностей, чего стоит хотя бы охотящаяся за ним Рука Господа – глава государственной службы безопасности!

Но однажды Алиф становится обладателем «Тысячи и одного дня» – таинственной старинной рукописи, якобы продиктованной джинном.

Что это – красивая легенда или ключ к программе, способной изменить мир? Чтобы разгадать эту загадку, Алифу придется вступить в смертельно опасную игру и призвать на помощь силы не только из нашего мира...

Содержание

Глава нулевая	5
Глава первая	9
Глава вторая	18
Глава третья	28
Глава четвертая	40
Глава пятая	55
Глава шестая	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Дж. Уиллоу Уилсон

Алиф-невидимка

Моей дочери Марьям, родившейся в «арабскую весну»

В каждом божественном Имени истинно верующий узнает все многообразие имен Господних.

Мухаммед ибн Араби

Если события и эпизоды, описанные в этих повествованиях, суть плоды воображения дервиша, его суждения делают их весьма похожими на правду, и его образы суть отражения реальных вещей.

Франсуа Пети Делакура.

Тысяча и один день

Немыслимо, отчаянно хорошо. Невероятное воображение Нила Геймана в сочетании с интеллектуальной амбициозностью Нила Стивенсона!

«New York Times»

Самый необычный, яркий и талантливый роман последнего десятилетия!

«The Observer»

Глава нулевая

Персия

Давным-давно

Чудище всегда появлялось в час между закатом и полной темнотой. Когда на исходе дня свет начинал понемногу меркнуть, бросая серо-лиловые тени на двор конюшни у подножия башни, где он работал, Реза начинал дрожать от тревожного ожидания. Каждый день с приближением вечера память настойчиво переносила его на шестьдесят лет назад в объятия кормилицы. В час сумерек джинны начинают беспокоить добрых людей, говаривала она ему. Она была турчанкой и никогда не выплескивала помои из окна, заранее не извинившись перед невидимыми прохожими, которые могли в тот момент оказаться внизу. Если бы она этого не делала, разгневанные чудища могли напустить на ее маленького подопечного жуткое проклятие вроде слепоты или черной оспы.

В юности, когда Реза учился и еще не познал глубин мудрости, он считал ее страхи невежественными суевериями.

Теперь же он сделался стариком, у которого осталось мало зубов. Когда солнце ослепительно сверкнуло на куполе шахского дворца, стоявшего на другой стороне площади, он ощутил знакомый холодок под ложечкой. Его ученик копошился где-то в заднем углу комнаты, представлявшей собой нечто среднее между мастерской и импровизированным кабинетом, поедая остатки обеда своего наставника. Реза инстинктивно чувствовал на себе презрительные взгляды прыщавого юнца, хотя стоял к нему спиной и смотрел в окно, следя за тем, как солнце медленно закатывается за горизонт.

– Принеси рукопись, – приказал он, не оборачиваясь. – Поставь мне чернильницу и тростниковые перья. Приготовь все для работы.

– Слушаюсь, хозяин, – угрюмо ответил мальчишка.

Он был третьим сыном какого-то мелкого вельможи и не проявлял ровным счетом никакой склонности ни к светским наукам, ни к богословию. Однажды, всего лишь однажды, Реза позволил мальчишке остаться, когда его посетило чудище. Он надеялся, что тот сам все увидит, поймет и расскажет всем, что Реза не безумец. Но его надежды не оправдались. Когда существо появилось, замерев внутри волшебного круга, очерченного Резой в центре комнаты мелом пополам с золой с целью вызывать чудище, парнишка, казалось, вообще ничего не заметил. Он с тупым раздражением тарашил глаза на своего наставника, в то время как тень внутри круга начала увеличиваться в размерах. У нее стали расти конечности, и постепенно она обрела некое карикатурное подобие человека. Когда Реза сказал видению несколько слов, мальчишка расхохотался. В его звонком смехе явственно слышались насмешка и презрение.

– Но почему? – в отчаянии обратился Реза к чудищу. – Почему ты не позволяешь ему увидеть себя?

В ответ у существа начали расти зубы. Они появлялись ряд за рядом, пока чудище не осклабилось в жуткой ухмылке.

– Он сам не хочет меня видеть, – произнесло оно.

Реза очень опасался, что мальчишка донесет о тайных занятиях своего наставника отцу, после чего обо всем узнают ярые ревнители истинной веры, сидящие во дворце, которые, в свою очередь, бросят его в темницу за колдовство. Но его ученик никому ничего не сказал и день ото дня продолжал являться на уроки. Только по его нерасторопности и презрительному тону Реза догадался, что навсегда потерял уважение мальчишки.

– Чернила окончательно высохли на страницах, что я написал вчера, – сказал Реза, когда ученик вернулся с перьями и чернильницей. – Они готовы к сохранению. Ты смешал лак?

Мальчишка посмотрел на него, бледнея на глазах.

– Я не могу, – угрюмо прохрипел он. – Пожалуйста... Это такой ужас. Я не хочу...

– Ну хорошо, – вздохнул Реза, – я сам все сделаю. Можешь идти.

Парнишка опрометью ринулся к двери.

Реза сел за стол, пододвинув к себе большую каменную чашу. Работа отвлечет его, пока не наступит вечер. В чашу он налил немного драгоценной канифольной мастики, которая с раннего утра томилась на угольной жаровне. Затем он добавил несколько капель темного масла из семян дамасской чернушки и стал помешивать образовавшуюся жидкость, чтобы она не застыла. Когда смесь достигла необходимой густоты, Реза осторожно поднял льняной холст, прикрывавший ничем не примечательный металлический горшок, стоявший на самом краю стола.

Комната сразу наполнилась ароматом: жгучим, тревожным, маняще женским. Реза вспомнил свою жену, живую, цветущую, носившую в себе ребенка, умершего вместе с ней. Этот аромат успел насквозь пропитать их ложе, прежде чем Реза приказал слугам вынести его и сжечь. На какое-то мгновение он ощутил себя потерянным. Усилием воли взяв себя в руки, он отделил то, что нужно, от вязкой массы и, подняв это металлическими щипцами, решительно опустил в остывавшую чашу с лаком. Он выждал несколько минут, постукивая пальцами по столу, и снова заглянул в чашу. Лак сделался светлым и блестящим, как мед.

Реза аккуратно разложил страницы, написанные им после последнего посещения чудища. Он писал по-арабски, а не на фарси, надеясь, что подобная предосторожность не позволит использовать его творение во зло, попади оно в руки невежд или непосвященных. Таким образом, рукопись представляла собой двойной перевод: сначала на фарси с безмолвного языка, которым изъяснялось чудище, который звучал в ушах Резы как ночные отголоски детства, когда сну предшествовало одинокое, немного пугающее путешествие из бодрствования в мир сновидений. Затем следовал перевод с фарси на арабский, язык ученых людей, столь же четкий и ясный, сколь расплывчатой и многословной была речь чудища.

В результате получалось нечто запутанное и не совсем понятное. Рассказы и истории в рукописи присутствовали, переданные настолько точно, насколько это удавалось Резе, но что-то все же терялось, чего-то не хватало. Когда чудище говорило, Реза впадал в некое состояние транса, видя затейливые множившиеся фигуры и очертания, которые превращались то в горы, то в неведомые морские берега, то в морозные узоры на стекле. В эти моменты он ощущал уверенность, что его желания осуществились и до истинного знания было рукой подать. Но как только он переносил повествования на бумагу, они непонятным образом менялись. Как будто главные герои – принцесса, нянька, птичий царь и все остальные – делались хитрыми и коварными, ускользая от Резы, в то время как он пытался описать их и их действия доступными человеку средствами.

Реза обмакнул кисть из конского волоса в каменную чашу и начал покрывать новые страницы тонким слоем лака. Масло из дамасской чернушки предохраняло толстые листы от скручивания и трещин. Другой ингредиент, который его ученик раздобыл с сильным предчувствием чего-то дурного, надолго сохранит рукопись после того, как самого Резы не станет, защищая ее от тления. Если он не смог разгадать истинный смысл слов чудища, то когда-нибудь кому-нибудь это удастся.

Реза так увлекся работой, что не заметил, как солнце проскользнуло за куполом дворца и исчезло среди вершин видневшихся на горизонте Загроских гор. В комнате стало свежо, и это напомнило Резе, что близятся сумерки. Сердце его забилося быстрее. Пытаясь опередить момент, когда страх по-настоящему овладеет им, он осторожно положил покрытые

лаком страницы сушиться на решето. Рядом на полке расположились их собраты – толстая пачка листов, замершая в ожидании финала повествования. Когда Реза закончит свой труд, он сошьет их шелковой нитью и скрепит с обеих сторон прямоугольными кусочками обтянутого холстиной картона.

– И что потом?

Голос раздался, как всегда, в его голове. Реза выпрямился, хрустнув старческими суставами. Он старался дышать как можно ровнее.

– Потом я стану изучать их, – спокойным голосом ответил он, – я буду снова и снова перечитывать каждую историю, пока не запомню их все до единой и не познаю их истинный смысл.

Его слова, казалось, развеселили чудище. Оно появилось бесшумно и тихо сидело в очерченном мелом и золой «заgone» в центре комнаты, глядя на Резу своими желтыми глазами. Реза подавил бившую его дрожь. Вид чудища до сих пор вызывал у него смешанное чувство ужаса и торжества. Когда Реза вызвал его в самый первый раз, он едва поверил в то, что такое могущественное существо можно удержать в узде с помощью нескольких тщательно подобранных слов, начертанных на полу. Слов, которые его неграмотная домоправительница сметет безо всякой злобы или сожаления. Однако сам факт подобного «сдерживания», как полагал Реза, являлся свидетельством глубины его познаний. Ему удалось «привязать» к себе чудище, которому теперь приходилось день ото дня возвращаться до тех пор, пока оно не закончит свое повествование.

– Я стану изучать их, – говорит он. В голосе чудища сквозила злоба. – Но чего он надеется достичь? «Альф Яум» недоступен его пониманию.

Реза плотнее запахнул халат и расправил плечи, пытаясь принять величавый вид.

– Ты утверждаешь, что это так, однако ваше племя никогда не славилось честностью.

– По крайней мере мы честны перед собой и не жаждем чужого. Человек был изгнан из райского сада за то, что съел один-единственный плод, а ты сейчас предлагаешь вырвать с корнем целое дерево, да так, чтобы ангелы ничего не заметили. Ты просто старый дурак, а Лжец нашептывает тебе в уши.

– Да, я старый дурак, – согласился Реза, тяжело опускаясь на скамью. – Но теперь уже поздно что-то менять. Единственный путь вперед – закончить работу. Дай мне завершить мой труд, и я отпущу тебя.

Чудище жалобно завывало и с силой врезалось в границу круга. Его тотчас же отбросило назад, словно оно столкнулось с невидимой преградой, которую воздвиг Реза.

– Чего ты хочешь? – захныкало чудище. – Зачем ты заставляешь меня рассказывать тебе то, чего мне нельзя говорить? Это не ваши истории. Они наши.

– Они ваши, но вы их не понимаете, – парировал Реза. – Только Адам был наделен настоящим умением мыслить, и только люди облечены властью давать вещам и явлениям названия и имена. Те, кого ты называешь птичьим царем, ланью и оленем, – всего лишь символы, призванные утаить скрытый смысл. Точно так же поэт может сочинить аллегорический стих о беззубом льве, чтобы высмеять слабого правителя. В ваших историях скрыта тайная сила невидимого.

– Истории – суть смыслы сами по себе, – ответило чудище, издав нечто похожее на вздох. – Вот в чем тайна.

– Я присвою номер каждой части каждого рассказа, – сказал Реза, не обратив внимания на столь угрожающее заявление, – и таким образом создам код, определяющий их количественное соотношение друг с другом. Я обрету власть над ними...

Он вдруг умолк. До него донесся прохладный ветерок, подувший в открытое окно, и запах подсыхающего лака. Реза снова вспомнил жену.

– Ты лишился чего-то очень дорогого, – лукаво произнесло чудище.

- Не твое дело.
- Никакой рассказ, код или тайна на свете не могут воскресить мертвых.
- Я не хочу воскрешать мертвых. Я просто хочу знать... Я хочу...

Чудище внимательно слушало. Его желтые глаза сверлили Резу немигающим взглядом. Реза вспомнил травяные настои, банки, запах ладана, чтобы очистить воздух, суетливое перешептывание повитух, сновавших у залитой кровью постели и поднимающих чадру над ртом, чтобы поговорить с ним, стоявшим рядом, беспомощным и охваченным отчаянием.

- Власти над знанием, – закончил он.

Чудище устроилось поудобнее, обхватив подобие колен подобием рук, и посмотрело на него.

– Возьми перо и бумагу, – произнесло оно, – я расскажу тебе последнюю, заключительную историю. Только учти, в ней есть предупреждение.

- Какое именно?
- Когда ты его услышишь, ты станешь совсем другим.
- Чушь какая-то.

Чудище улыбнулось.

- Бери перо, – повторило оно.

Глава первая

Алиф сидел на бетонном подоконнике в своей спальне и купался в лучах жаркого сентябрьского солнца. Его свет преломлялся сквозь бахрому пушистых ресниц юноши. Когда он смотрел на Город, чуть прищурившись, мир казался искаженным рисунком, составленным из белых и голубых ворсинок. А если смотреть вот так слишком долго, начинал болеть лоб. Тогда Алиф закрывал глаза и сосредотачивался на расплывающихся тенях за веками. Возле его ног лежал тоненький хромированный смартфон, пиратский экземпляр. Правда, как именно ему пришлось путешествовать сюда – на запад из Китая или на восток из Америки, – сам Алиф точно не знал. Да его и не сильно интересовали телефоны. Ему доставил его другой хакер, ловко справившийся с шифрами, которыми снабдил аппарат неведомый гигант-монополия, тщательно оберегавший свой патент. На экране высветились четырнадцать посланий, которые Алиф отправил Интисар за последние две недели. Он занимался самодисциплиной и заставлял себя писать ей не более одного раза в день. Но все четырнадцать так и остались неотвеченными.

Он взглянул на смартфон сквозь полусомкнутые веки. Если Алиф сейчас заснет, она может позвонить. Он вздрогнет и проснется от звонка и, конечно, неумышленно столкнет аппарат вниз, и тот обязательно упадет во внутренний дворик. И тогда Алифу придется быстро бежать вниз и искать его в густых жасминовых кустах. Впрочем, эти маленькие неприятности могут предотвратить большую: а вдруг она вообще не позвонит?

– Закон энтропии, – произнес юноша, обращаясь к смартфону. Аппарат продолжал сверкать на солнце и молчать. Далеко внизу черная с рыжим кошка, которая весь день охотилась на жуков в кустах, быстро перебежала двор. Теперь она, сойдя с пропеченной солнцем земли, по очереди поднимала лапы с розовыми подушечками, чтобы хоть немного остудить их. Алиф позвал ее, но кошка сердито заурчала и ловко проскользнула в заросли жасмина.

– Слишком жарко и для кошек, и для людей, – заметил Алиф.

Он зевнул и ощутил во рту неприятный металлический привкус. Воздух казался сгущенным и маслянистым, словно на землю его ровно выдыхала какая-то неведомая машина. Этот воздух насильственно вторгся в легкие, не производя при этом никакого облегчения, а в сочетании с удушающей жарой создавал в организме самую настоящую панику, рожденную инстинктом. Когда-то Интисар говорила Алифу, что город ненавидит своих жителей и пытается задушить их. Она радуется, когда они начинают задыхаться. Именно «она». Интисар почему-то была убеждена в том, что этот город имеет женский род. Так вот, она будто бы помнит еще те времена, когда чистые умы порождали чистый воздух. Это было еще в годы правления шейха Абдель Сабура, который так доблестно сражался с наступлением сюда толп европейцев. Это были годы расцвета великого университета Ямар аль Башира. Или даже еще раньше, во времена дворов Пари-Неф, Ониери и Бес. Да и названия у нее были более ласковые и приятные для слуха, чем сейчас. Ислам принес сюда святой джинн. Ну, по крайней мере так гласит легенда. Город расположен на полпути между обыкновенным миром и Пустым Кварталом, обиталищем гулов и ифритов, которые способны принимать звериное обличье. Город мог бы стать засильем потусторонних обитателей, как сейчас он переполнен туристами и нефтяниками, но этого не произошло. И все из-за того, что святой джинн услышал послание пророка, долго плакал, благословил его и впоследствии был погребен под мечетью Аль Башира.

– Я почти что решил, что ты и в самом деле веришь во все это, – сказал тогда Алиф Интисар.

– Конечно, верю, – ответила ему Интисар. И действительно, могила казалась достаточно реальной. По пятницам ее было разрешено навещать. Сверху на гробнице до сих пор оставался нетронутым тюрбан джинна.

На западе свет начал постепенно бледнеть у горизонта, там, где за Новым Кварталом начиналась пустыня. Алиф сунул телефон в карман, соскользнул с подоконника и очутился у себя в комнате. Наверное, когда окончательно стемнеет, он все же попытается связаться с ней. Интисар всегда предпочитала вечерние встречи. Впрочем, общество вовсе не возражало против того, что кое-кто нарушает общепринятые правила, главное, нужно было признавать их существование. А встречаться с девушкой после захода солнца мог только очень смелый человек. То есть они оба должны были давать себе отчет в том, что именно они совершают. И уж конечно, следовало позаботиться о том, чтобы оставаться непойманными. Аристократка Интисар, причинившая Алифу столько хлопот, черноволосая и сладкоголосая, была вполне достойна его стараний соблюдать осмотрительность.

Алиф понимал ее стремление оставить их встречи в секрете. Он сам вот уже сколько времени прятался за псевдонимом, в качестве которого выбрал одну-единственную букву алфавита. Он даже перестал думать о себе, как о человеке. Кто он такой? Всего лишь алиф, который по написанию напоминает прямую линию или, может быть, некую стену. Сейчас его настоящее имя казалось юноше каким-то невыразительным пустым звуком. Сам акт сокрытия тайны стал важнее самой тайны. Понимая это, он потворствовал Интисар. Что ж, раз ей хочется оставить их свидания в секрете, пусть будет так. Сам он уже успел устать от всевозможных тайн. Ну а если такая секретность разжигает ее любовь еще сильнее, он и вовсе не собирается сопротивляться. Он подождет еще час или даже два.

Терпкий запах овощного супа и риса проник к нему в комнату через окно. Надо спуститься вниз, на кухню, и поесть – он сегодня только завтракал, и больше ничего не съел за весь день. Он уже двинулся к двери, но тут его остановил стук в дверь. Стучали из соседней квартиры, с обратной стороны той самой стены, где у него висел плакат с изображением Роберта Смита. Алиф с досады закусил губу. Может быть, ему удастся проскользнуть вниз и остаться незамеченным? Но стук повторился, и на этот раз он услышал в нем условный сигнал. Значит, она услышала, как он спустился с подоконника в комнату. Алиф вздохнул и два раза постучал по зернистому черно-белому колену Роберта Смита.

Когда он выбрался на крышу дома, Дина была уже там. Она смотрела на восток, в сторону моря. Вернее, в ту сторону, где оно находилось и было бы видно, если бы не мешали джунгли жилых домов.

– Что ты хотела? – без предисловий начал Алиф.

Она повернулась к нему, наклонила голову набок, и ее брови сдвинулись в узкой прорези никаба, почти полностью закрывающего ее лицо.

– Вернуть тебе книгу, – ответила Дина. – Что с тобой?

– Ничего. – Он раздраженно отмахнулся. – Ну, так давай тогда книгу.

Дина сунула руку в глубь длинного халата и извлекла из глубокого кармана потрепанный экземпляр «Золотого компаса».

– А разве ты не собираешься спросить меня, что я думаю по этому поводу? – требовательно произнесла Дина.

– Мне все равно. Наверное, английский язык оказался для тебя слишком сложным.

– Ничего подобного. Я поняла там все до последнего слова. Эта книга, – тут она помахала томиком в воздухе, – переполнена языческими образами. Это опасно.

– Не будь такой невежественной. Это же метафоры. Я же говорил, что ты ничего в ней не поймешь.

– Метафоры тоже могут быть опасными. Когда ты называешь что-то ложным именем, ты меняешь его сущность, а метафора – это и есть своеобразный способ называть вещи фальшивыми именами.

Алиф выхватил у нее книгу из руки. Зашуршала ткань, Дина нагнула голову и прикрыла глаза густыми ресницами. Хотя Алиф не видел ее лица вот уже десять лет, он знал наверняка, что в этот момент Дина надула губы.

– Ну прости, – искренне произнес он, прижимая книгу к груди. – Я сегодня неважно себя чувствую.

Дина молчала. Алиф бросил нетерпеливый взгляд за ее плечи. Там, вдали, за вычурными кварталами жилых домов, на холме виднелась сверкающая в сумеречном свете часть Старого Квартала. Где-то там, в одном из домов, находилась сейчас Интисар, как бесценная жемчужина, спрятанная в своей древней раковине с моллюском, стены которой целуют морские волны. Возможно, она сейчас работает над своей диссертацией, зарывшись в книги о раннем мусульманстве. А может быть, она решила отдохнуть и поплавать в бассейне на вилле своего отца. И скорее всего она сейчас думает о нем.

– Я ничего не собиралась говорить, – раздался голос Дины.

Алиф часто заморгал.

– О чем? – поинтересовался он.

– Наша служанка вчера случайно подслушала разговор соседок на базаре. Они говорили, что твоя мама индуска, хотя продолжает это скрывать. Они видели, как она покупала свечи для пуджи в том маленьком магазинчике на улице Насера.

Алиф молча уставился на нее, так крепко стиснув зубы, что они заныли. Через несколько секунд он резко развернулся и зашагал прочь по пропыленной крыше, мимо спутниковых антенн и растений в глиняных кадках. Не остановился он и тогда, когда Дина позвала его по имени.

* * *

На кухне мама стояла рядом со служанкой и ловко шинковала зеленый лук. На ее шее сзади, там, где начинался вырез ее длинной туники, на коже скопились капельки пота.

– Мама. – Алиф осторожно коснулся плеча женщины.

– Что такое, сынок? – Нож продолжал мелькать в ее руке, не останавливаясь ни на секунду.

– Тебе ничем не нужно помочь?

– Хороший вопрос. Ты что-нибудь ел?

Алиф уселся за крохотный стол на кухне и молча наблюдал за тем, как служанка проворно поставила перед ним тарелку с едой.

– Ты там на крыше с Диной разговаривал? – поинтересовалась мать, одновременно сгребая в кучку нарезанный лук и пересыпая его в большую миску.

– И что с этого?

– Не надо больше так делать. Очень скоро ее родители будут выдавать свою дочь замуж. А в хорошей семье может не понравиться то, что она проводит время на крыше дома с каким-то посторонним парнем.

Алиф поморщился.

– Что значит «с каким-то»? Я не посторонний парень, мы живем вместе в этом дурацком двухквартирном дуплексе еще с тех пор, как были детьми. Да мы с ней все время играли у меня в комнате.

– Тогда вам было по пять лет. А сейчас она уже почти женщина.

– У нее, наверное, все такой же большой нос.

– Не надо так говорить, сынок. Это грубо.

Алиф посмотрел на еду в тарелке и лениво потыкал ее вилкой.

– А я вот мог бы выглядеть, как Амр Диаб, и все равно это бы никого не волновало, – пробормотал он себе под нос.

Мама повернулась к нему и недовольно нахмурилась. Ее круглое лицо исказилось.

– Ты говоришь, как ребенок. А вот если бы тебе удалось сделать карьеру и накопить денег, тогда нашлось бы много индийских девушек, которые сочли бы за честь...

– Но только не арабских.

– А что такого особенного ты находишь в арабских девушках? – спросила мама. – Они очень много строят из себя, а уж красятся так, как танцовщицы в кабаре. А что бы они представляли собой без своих денег? Ни красоты, ни ума. Сомневаюсь, чтобы хоть одна из них умела хорошо готовить...

– А мне и не нужна повариха! – Алиф встал со стула и отодвинул его назад. – Я пойду наверх.

– Иди! И не забудь взять с собой тарелку.

Алиф резким движением схватил тарелку со стола, да так, что вилка со звоном упала на пол. Он переступил через служанку, которая нагнулась, чтобы поднять ее.

Вернувшись в свою комнату, юноша внимательно посмотрел на себя в зеркало. Индийская и арабская кровь гармонично сочетались, по крайней мере на его лице. Кожа у него была ровного бронзового цвета. Глаза достались ему от кочевников-бедуинов, а рот – от южноиндийских дравидов. Подбородок также казался ему вполне изящным. Да, довольно приятное, не лишнее привлекательности лицо, но его обладатель никогда не сможет сойти за чистокровного араба. Именно чистокровного, за которым бы стояли многие поколения эмиров и шейхов, – а о ком-то другом Интисар и слышать не желала.

– Сделать карьеру, – сказал Алиф своему отражению, раздраженно повторив мамины слова.

В зеркале он увидел, как вдруг ожил компьютерный монитор. Алиф нахмурился, глядя на ползущие по экрану строчки, показывавшие IP-адрес и пользовательскую статистику кого-то, кто пытался прорваться сквозь его криптографическую программу.

– Кто стучится в дверь ко мне? Ай-ай-ай, озорничать нехорошо.

Он сел за стол и внимательно посмотрел на плоский дисплей, почти новый, разве что с небольшой трещинкой, которую он сам устранил, купленный за полцены у Абдуллы в «Радио Шейх». IP-адрес злоумышленника определился как сервер, расположенный в Виннипеге, и это была его первая попытка проникнуть в операционную систему Алифа. Значит, простое любопытство. По всей видимости, «охотник» являлся таким же хакером, как и сам Алиф. Потыкавшись пару минут в системы защиты, он отступил, но с «подарком» в виде трояна, который Алиф замаскировал так, что он выглядел как дырка в брандмауэре. Если этот незванный гость хоть чего-то стоил, он скорее всего несколько раз в день запускал какой-нибудь навороченный антивирус. Однако если повезет, Алифу понадобится всего несколько часов, чтобы досконально изучить все его методы хождения по Интернету плюс любимые маршруты.

Алиф включил небольшой вентилятор, стоявший у его ног, и направил его на системный блок. Процессор частенько перегревался, и на прошлой неделе Алиф чуть не сжег материнскую плату. Он не мог позволить себе расслабляться. Один-единственный день в офлайне – и его клиенты могли подвергнуться опасности. Власти Саудовской Аравии несколько лет гонялись за пользователем с ником Jahil69, разъяренные тем, что его сайт любительской эротики никак не поддавался блокировке и ежедневно собирал больше посетителей, чем любой другой интернет-сервис в королевстве. В Турции некие TrueMartyr и Umar_Online призывали к исламской революции из таких мест, определить которые стало для сидящих в Анкаре

чиновников непосильной задачей. Алиф был чужд всякой идеологии. С его точки зрения, каждый, кто мог платить за свою защиту и безопасность, мог рассчитывать на его услуги и называться как его душе угодно.

Вот цензоры – совсем другое дело. Именно из-за них Алиф скрипел зубами во сне, из-за тех, кто душил любые новые мысли, возвышенные или циничные. Полмира жило под их виртуальным колпаком из нулей и единиц, лишившись свободного доступа к информационным ресурсам. Алиф и его друзья читали слезливые послания своих изнеженных американских и английских коллег, выставлявших себя «активистами». Но вся их «активность» сводилась к пустой болтовне и раздраженному негодованию по поводу очередного законодательного акта, касавшегося мониторинга Сети. Это не вызывало ничего, кроме смеха. Абдулла, когда ему вдруг хотелось поговорить по-английски, называл их «тупыми моноглотами»¹. Они и представить себе не могли, что значит работать именно в Городе, а не в каком-то городском раю с четкими почтовыми индексами и нормальными законами, созданными для людей. Им бы и в голову не пришло, что значит жить в мегаполисе, похвалявшемся одной из самых передовых систем отслеживания активности в Сети, но в котором обычная почта работала из рук вон плохо. Эмираты с правителями в серебряных лимузинах и районах, где нет водопровода. С Интернетом, где каждый блог, каждый чат, каждый форум отслеживается на предмет незаконного выражения чьего-то несчастья или недовольства.

– Когда-нибудь придет и их час, – как-то сказал ему Абдулла.

Они наслаждались хорошим кальяном, сидя на ступеньках позади «Радио Шейх» и наблюдая за тем, как две дико ревущих кошары спаривались на мусорной куче.

– В одно прекрасное утро они проснутся и поймут, что их цивилизацию просто вытянули у них из-под ног – сантиметр за сантиметром, доллар за долларом, – точно так же, как и нашу.

– Но нам-то это не поможет, – произнес Алиф.

– Не поможет, – согласился Абдулла. – Но я-то уж точно почувствую себя гораздо лучше.

Тем временем их одолевали кошмары куда менее вселенского масштаба. Сидя на лекциях в университете и донельзя раздраженный громадными пробелами в курсе информационных технологий, который им читали те самые правительственные чиновники, что занимались зачистками киберпространства, Алиф решил поступать им назло. Он сам научится тому, чему его не научат они. Он поможет забивать их серверы порнороликарами или призывать на их головы воинов Аллаха – для него не имело значения, что именно он станет делать. Лучше хаос, чем медленное удушение.

Всего лишь пять лет назад, даже меньше, цензоры действовали вяло и неповоротливо, стараясь вычислить их с помощью сайтов с социальным медиаконтентом и полагаясь при этом на старомодные методы розыскной работы. Однако со временем кто-то все больше и больше снабжал их самыми передовыми и вместе с тем жуткими технологиями. Бесчисленные чаты и форумы буквально взорвались: кто их так хорошо обучил? ЦРУ? Скорее всего МОССАД, поскольку у ЦРУ не хватало широты мышления, чтобы придумать столь изощренные методы деморализации интернет-смердов. Вера их уж точно не объединяла: в Сирии этим занимались баасисты, в Тунисе – госчиновники, в Саудовской Аравии – сунниты-ортодоксы. И тем не менее их методы были столь же идентичны, сколь несоразмерны были их цели. Обнаружить, взломать, подавить.

В самом Городе зачистка киберпространства шла по нарастающей. Она, словно ядовитый туман, окутывала блоги и форумы недовольных, иногда проявляясь в виде непонятных глюков или серверных сбоев, а временами в резком падении скорости коннекта. Алифу и

¹ Моноглот – человек, владеющий или говорящий только на одном языке. – *Здесь и далее примеч. пер.*

другим городским хакерам понадобилось несколько месяцев, чтобы понять, что за этими на первый взгляд вполне банальными вещами скрывается нечто большее. Тем временем были вычислены и взломаны хостинговые аккаунты нескольких глубоко законспирированных городских оппозиционеров, что лишило их доступа к собственным веб-сайтам. Все понимали, что это дело рук правительства. Прежде чем навсегда покинуть киберпространство, самый известный в Городе блоггер NewQuarter01 назвал все происходящее деяниями Руки Господней. По поводу того, что же представляла собой эта таинственная Рука, кипели жаркие споры: это программа, какой-то человек или же группа людей? Некоторые предполагали, что «Рукой» являлся сам эмир: разве не говорили, что Его Высочество прошел хорошую школу у китайцев, авторов знаменитого «Золотого Щита»²? Как бы то ни было, Алиф ясно видел, что очередная волна киберзачисток закончится катастрофой. Взломанные аккаунты – только первые ласточки. В конечном итоге цензоры неминуемо доберутся до живых людей.

Как и все остальное, даже как сама цивилизация, аресты начались в Египте. На несколько недель, которые в конечном итоге привели к Революции 2011 года, интернет-пространство превратилось в поле битвы. Наиболее уязвимыми оказались блоггеры, использовавшие бесплатные программы и операционные системы. Алиф никоим образом не удивился тому, что их быстро обнаружили и бросили в тюрьмы. После этого начали исчезать более изобретательные нерды³, которые шифровали свои сайты. Когда насилие выплеснулось из Интернета на улицы, превратив широкие проспекты Каира и площадь Тахрир в арену кровавых схваток, Алиф безо всяких церемоний отказался от своих египетских клиентов. Стало очевидно, что каирский режим превзошел его возможности скрывать диссидентов в дебрях киберпространства. «Отсеки руку и спаси тело», – сказал себе Алиф. Если его имя станет известно какому-нибудь ретивому офицеру службы безопасности, то разномастное сообщество блоггеров, порнографов, исламистов и активистов других движений от Палестины до Пакистана окажется под ударом. Он, разумеется, заботился вовсе не о собственной шкуре, хотя ему было, по большому счету, наплевать, что случится через неделю. Конечно же, речь шла не о его собственной шкуре.

Потом он смотрел на канале «Аль-Джазира», как его друзей, которых он знал только по псевдонимам, забирали по тюрьмам. Все они стали жертвами агонизирующего правящего режима. Каждый из них имел свое лицо, но всякий раз Алиф ловил себя на том, что они сильно отличались от тех образов, которые рождались у него в голове. Они были или намного моложе, или, наоборот, старше тех, кого он себе представлял, или удивительно бледные, или с бородой, или с глубокими морщинами возле глаз. Одним из его заочных друзей оказалась девушка. Скорее всего ее изнасилуют в тюремной камере. Она, возможно, до сих пор оставалась девственницей и должна была пережить насилие.

Лучше отсечь себе руку.

Пальцы Алифа сами собой скользнули над клавиатурой.

– Метафоры, – негромко повторил он и напечатал по-английски это слово. Как всегда, Дина оказалась права.

По этой же причине Алифу не принесла радости ни победа египетской революции, ни ряд последовавших за ней мятежей. Триумф его безликих коллег во взломе системы за системой, принадлежавших разным правительствам, только лишний раз напоминал ему о его собственном малодушии. Город, когда-то являвшийся тираном-эмиратом среди других себе подобных, будто бы оказался вне времени. Наружу всплыли воспоминания о старых временах. Это стало больше походить на сон, от которого жители Города так и не сумели

² Проект «Золотой Щит» – система фильтрации содержимого Интернета в КНР.

³ Нерд – человек, помешанный на чем-то, в данном случае на компьютерах.

пробудиться. Алиф и его друзья продолжали борьбу, неизменно ослабляя цифровую крепость, созданную Рукой в надежде защитить загнивающее правительство эмира. И все же общая аура поражения никак не покидала сознание Алифа и его товарищей. История двигалась вперед, позабыв своих героев.

Краем глаза Алиф заметил, как загорелся где-то рядом зеленый огонек надежды. Интисар вошла в систему и теперь была доступна для связи. Алиф нервно выдохнул и приготовился к общению.

A1if: Почему ты не отвечаешь на мои послания?

Bab_elDunya: Пожалуйста, оставь меня в покое.

Юноша почувствовал, как у него мгновенно вспотели ладони.

A1if: я чем-то обидел тебя?

Bab_elDunya: Нет.

A1if: Тогда в чем дело?

Bab_elDunya: Алиф, Алиф...

A1if: Я схожу с ума, скажи мне, что случилось.

A1if: Давай увидимся.

A1if: Пожалуйста.

Минута тянулась мучительно долго, но Интисар не отвечала. Алиф прижался лбом к краю стола в ожидании негромкого звоночка, который сообщил бы ему о том, что она наконец ответила.

Bab_elDunya: На нашем месте через двадцать минут.

Алиф опрометью бросился к двери.

* * *

Он нанял такси, доехал на нем в дальний конец стены Старого Квартала, а оттуда направился пешком к заветному местечку. Стену с обеих сторон облепили любопытные туристы. Лучи заходящего солнца осветили ее полупрозрачные камни и окрасили их в ярко-розовый цвет. Это уникальное явление все приезжие пытались запечатлеть на свои мобильники и цифровые камеры, хотя и не слишком профессионально. Вдоль стены по всей улице выстроились сувенирные лавки и чайные забегаловки. Алиф с трудом протискивался через группу японок в одинаковых футболках. От кого-то из прохожих сильно несло пивом. И тут Алиф чуть не закричал от отчаяния. Прямо перед ним вырос местный гид со своим флажком, а это свидетельствовало о том, что за ним тянулась огромная группа туристов.

– Попрошу посмотреть налево! Сто лет назад эта стена окружала весь город. Тогда к нам туристы на самолетах не прилетали. Их сюда привозили настоящие верблюды! Представьте себе, вы едете верхом на верблюде через всю пустыню, и вдруг – на тебе! Море! А на берегу моря стоит прекрасный город, окруженный стеной из настоящего кварца! Это может показаться миражом. Да и все поначалу думали, что это самый настоящий мираж!

– Прости меня, брат, – обратился к гиду Алиф на урду. – Но я вовсе не мираж. И позволь мне пройти.

Гид молча уставился на него, но потом пришел в себя и заговорил:

– Мы все приезжаем сюда, чтобы заработать себе на жизнь, брат. – Он презрительно поджал губы. – Не спугни мне барыш.

– Я сюда не приезжал. Я здесь родился и вырос.

– Маша Аллах! Извини меня. – Он расставил ноги пошире, и вся его группа послушно выстроилась позади него в линейку, как цыплята за наседкой. Алиф устремился мимо них